

САФАРИ

ЖОЗЕФ КЕССЕЛЬ

ЭТО ЦЕЛАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Снова во взгляде Уолтера Кинга зажглось добродушное лукавство.

— И весь этот бизнес начал старый Велли. Когда окончилась вторая мировая война, я понял, что времена переменились, что прежним живописным и грубоватым нравам теперь, когда появились автомобиль и самолет, пришел конец. «А ну-ка удивим клиента удобствами, легкостью путешествия, комфортом», — решил я. — Дадим ему фарфор вместо оловянных мисок, ватерклозет вместо колючих кустов, постелим тонкие простыни на походную кровать. Предоставим ему возможность ежедневно связываться с Найроби по радио, а если он заболеет, будем высыпать санитарный самолет...»

Сначала меня приняли за сумасшедшего. Потом все же сделали робкую попытку и увидели, что клиенты охотно покупают чудеса. Тогда и остальные последовали нашему примеру — компания «Сафариленд» ведь не единственная. Кроме того, есть белые охотники-частники, обслуживающие именитых клиентов... Это целая промышленность! Она приносит Кении сотни тысяч фунтов.

— Но, признаюсь, цифры меня всегда меньше интересовали, чем люди. Много я их повидал — всяких и из разных стран. Да, да... Сейчас расскажу вам, позвольте только разожгу трубку.

Запах хорошего английского табака заполнил каморку без окон. Дымок поднялся к обнаженной лампочке. Уолтер Кинг, человек, уже 35 лет снаряжающий охотничьи караваны любителей пяти континентов, «старый Велли», продолжил свой рассказ.

ИМЕНИТЫЕ КЛИЕНТЫ

— Принц Уэльский, который впоследствии правил Соединенным королевством под именем

Окончание. Начало см. «Азия и Африка сегодня» № 8 за 1971 год.

Эдуарда VIII, прежде чем отречься и принять свой нынешний титул герцога Виндзорского. Герцог Йоркский, впоследствии его величество Георг VI, и герцогиня, ставшая английской королевой. Герцог Норфолькский. Герцог Нортумберлендский. Герцог Орлеанский. Герцогиня Аостская. Магараджа из Джайпура. Наследный принц, впоследствии магараджа, из Биканера. Ага-хан.

Старый Велли сделал паузу, с наслаждением затянулся трубкой и закончил: Не говорю уже о миллионерах и миллиардерах, о знаменитых актерах... Единственная страна, насколько мне известно, из которой не было ни одного клиента у фирмы «Сафариленд», — это Япония.

Старый Велли вынул изо рта трубку. Казалось, его голубые глаза искали забытые образы и лица в тонкой струйке дыма. Вдруг он снова засмеялся своим коротким добродушным смешком:

— Принц Уэльский, помнится, путешествовал как частное лицо, то есть за свой личный счет. И он не выглядел очень уж богатым. Мы долго обсуждали каждую деталь оборудования, которое я ему предлагал для экспедиции. Он выбрал только самое необходимое, стараясь при этом не переплатить.

Однажды принца атаковал слон. Принц даже и не подумал о своем ружье: он старательно ловил разъяренного слона в объектив фотоаппарата. Слон мчался со скоростью лошади, скакущей галопом. «Пускай, пускай!», — твердил принц. Оба охотника — ни живы ни мертвы. Наконец, когда слон был в 25 метрах, они выстрелили одновременно. Слон рухнул... «Вы могли бы подпустить его немного поближе», — сказал принц, весьма раздосадованный. На следующий день при съемке носорога охотники подпустили его на 15 метров.

Видя я немало сумасбродов, не знаяших предела ни своей фантазии, ни своим деньгам. Самым удивительным из них был некий британский виконт, выдающийся спортсмен, богатый как Крез. Ему удалось истратить на

шестинедельное сафари, в котором он участвовал один, семь тысяч фунтов по довоенным ценам. Когда я говорю «участовал один», это означает, что с ним не было приглашенных, но его сопровождали лакей, шофер, повар, садовник и швед-массажист. Кроме того, он взял свой «роллс-ройс», 50 ящиков шампанского и 50 ящиков коньяка «Наполеон»; 24 огромные керосиновые лампы освещали его лагерь. Это был первый клиент, пожелавший иметь в путешествии холодильник. Я позвал специалистов, составил смету и сказал ему: «Ваша светлость, шкаф-ледник будет стоить 900 фунтов». «Прекрасно, Велли», — ответил он. «А чтобы в нем установить керосиновую холодильную камеру, потребуется еще 900 фунтов». «Пусть это вас не смущает», — сказал виконт.

После этого случая мы внимательно обсудили проблему, усовершенствовали установку, снизили ее стоимость, и с тех пор холодильник стал обычным элементом наших караванов.

Старый Велли замолчал, дымя трубкой, и даже закрыл глаза. Потом стал продолжать:

— Помню еще наследника магараджи из Биканера. Безупречный джентльмен и первоклассный стрелок. Только он был так тучен, так огромен, что с трудом двигался. Он был слишком тяжел даже для самых отборных носильщиков. Я заказал для него превосходную металлическую тачку на рессорах с мягкими подушками. На охоте он пересаживался из автомобиля в эту тачку, и два негра везли ее по тропинкам. Он вылезал только для того, чтобы выстрелить.

Старый Велли опять задумался недолго и спросил меня:

— Вы, наверное, слышали о кинооператоре Мартине Джонсоне?

— Знаменитый Джонсон, снявший множество фильмов о жизни животных и диких племен.

— Он самый, — ответил Уолтер Кинг. — Это мы снаряжали его в первую экспедицию. В 1921 году. По возвращении он рассказывал мне, как проводились съемки. Он прятал пять съемочных камер вокруг какой-нибудь лужайки или

возле водопоя. За каждую камеру ставил африканца, которого предварительно обучил узнавать время по часам. В назначенный час они начинали одновременно крутить ручки кинокамер. Результаты были поразительные.

Трубка погасла, и Уолтер Кинг положил ее на инвентарную книгу.

— За 35 лет я снарядил сотни сафари. А это значит, что пришлось разрешить бесконечное число затруднений, больших и малых. Да возьмите хотя бы питание. Приезжают европейцы, американцы, индузы, мусульмане, евреи... Следует считаться с религиозными запретами, учитьывать особенности национальной кухни, не говоря уж об индивидуальных вкусах. Мне встречались французы, употреблявшие только определенную марку бургундского, только какой-то один сорт молодого эльзасского вина, шампанское определенного года. Крупная парижская фирма поставляла нам вина. Видел я и вегетарианцев, у которых излюбленным блюдом была тертая морковка. А принц Уэльский, тот, например, терпеть не мог консервов из говядины. Учитывая все вкусы, я составляю разумный режим питания. Два врача-специалиста помогают мне в этом деле. Так-то, сэр, мы теперь живем в век науки.

Иронический короткий смешок снова оживляет все морщинки старого Велли.

— Чего только не приходилось мне делать! — восклицает он.

— Снаряжали как-то сафари для кинорежиссера, снимавшего «Копи царя Соломона». Какие неожиданные предметы нужно было доставать! А причуды кинозвезд! И сколько тратилось денег...

Но самой роскошной за мой долгий опыт была экспедиция Ага-хана. Этот принц пригласил 35 гостей. Лагерь был залит электрическим светом. Санитарное оборудование не уступало оборудованию в лучших отелях. Каждый из приглашенных мог в любое время принять горячую ванну или освежиться охлажденными напитками. Блюда были такими же обильными, изысканными и разнообразными, как на борту первоклассного пассажирского парохода. В распоряжении путешественников имелись два самолета, вылетавшие по их малейшей прихоти в Найроби, или в Момбасу, или еще куда-либо.

Я невольно подумал о безграничности капризов, порождаемых

богатством, и сказал Уолтеру Кингу:

— Вам, я думаю, требовалось порой железное терпение?

— Разумеется. Но это не так страшно. Я опирался на свою заинтересованность в делах фирмы, а главное — на чувство юмора. Только один раз я потерял самообладание. Это был клиент из Южной Америки, с большим состоянием и еще большим самомнением. Он сидел в кресле, где сейчас сидите вы, и целых два часа корчил недовольные гримасы. Все, что я ему предлагал, было или недостаточно хорошим, или недостаточно красивым. Пища, палатки, прислуга, охотники — все казалось этому привередливому клиенту недостойным его персоны. Мне пришлось убеждать, успокаивать, льстить. Временами терпение у меня иссякало, но что поделаешь — это моя обязанность, моя работа. Так мы добрались до последнего раздела — спальных принадлежностей. Южноамериканец заявляет: «Не может быть и речи о ваших походных кроватях, я всегда спал в лучших постелях мира». «Нет ничего проще», — ответил я, — вы можете выбрать в магазинах Найроби кровать по своему вкусу, а мы обяжемся перевозить ее». «Что касается простыней, то я привык спать на шелковых, голубого цвета». Подушки он пожелал набить особыми перьями. «Хорошо», — сказал он наконец, и я подумал, что дело решено. Однако, взглянув на меня, он добавил: «Еще одна деталь — я привык, чтобы в моей постели всегда была красивая женщина». Вот тут-то меня впервые остановила обычна слежанность!...

Уолтер Кинг замолчал.

— И что вы сделали? — спросил я его.

— Я поднялся, указал ему на дверь и попросил, очень вежливо, конечно, убираться к черту.

Он снова набил трубку, зажег ее и сказал:

— Такие типы — сущее бедствие. Не для меня, разумеется, — я с ними встречаюсь только в рабочем кабинете. А вот для тех, кто вынужден жить с подобными клиентами бок о бок в саванне целыми неделями, это испытание не из легких, поверьте мне.

— Вы имеете в виду охотников-профессионалов, белых охотников? — спросил я с понимающим видом.

Старый Велли покосился на меня и вздохнул:

— У вас тоже, я вижу, на уме в первую очередь белые охотники... Хорошо, хорошо, поговорим и о них.

Старый Велли стал не торопясь набивать трубку. Хитровато глянул на меня и спросил:

— Вас очень интересуют белые охотники? Что же именно?

БЕЛЫЕ ОХОТНИКИ

Я ответил, что ремесло охотника-профессионала, встречающегося один на один с опасными зверями, отличающегося смелостью, выносливостью, интуицией, кажется мне одним из самых романтических, какие я только знаю. Старый Велли слушал меня, покачивая головой, попыхивая трубкой. А глаза его продолжали смеяться. Когда я закончил, он сказал:

— Понятно, понятно... Белый охотник в вашем представлении — это человек особого рода, отшельник, этакий скиталец по непроходимым дебрям, суровый, волевой, даже грубый. Словом, персонаж Фенимора Купера, свободный от предрассудков общества. Понятно, понятно...

На этот раз Уолтер Кинг смеялся дольше, чем всегда, а потом сказал:

— Так вот, сэр, охотнику такого сорта ни наша, ни любая другая фирма не доверила бы ни одного сафари. Несомненно, охотнику-профессионалу нужно иметь зоркий глаз, твердую руку, холодную голову. Он обязан превосходно стрелять, а храбрость его должна быть безупречной. Ему необходимо знать все местные глемена, их языки, обычаи, уметь общаться с ними. Он должен уметь отыскать любую тропинку в саванне, зарослях, джунглях Кении, Танганьики или Уганды. Он должен знать породы всех зверей, и больших и малых, обитающих в этих краях, их повадки, количество, тропы, по которым они ходят.

— Мне кажется, что вы лишний раз подтверждаете мои предположения, — сказал я Уолтеру Кингу.

— Подождите, подождите, — ответил он. — Все эти качества необходимы, слов нет, но они всего лишь основа, азбука ремесла. Когда-то их было достаточно. В начале века, когда белые охотники начинали заменять черных и их можно было пересчитать по пальцам, ког-

да страна была совершенно не исследована, когда передвигались пешком, а груз несли на головах носильщики — тогда, действительно, белый охотник мог позволить себе быть величественным, супротивным, косматым, молчаливым, лишь бы его карабин был начищен до блеска и не знал осечек. Снаряжение было самое необходимое, клиенты требовали немного — постель, простую пищу, только бы дичь была в изобилии. Сегодня не то!.. Сегодня от белого охотника требуют не только беспокоры, безукоризненного обращения с оружием и знания саванны. Он должен еще быть первоклассным механиком. Разбираться хотя бы немного в медицине. Но главное — обладать всеми качествами хозяина светского дома, принимающего гостей. Комфорт, зачастую переходящий в роскошь, изменил весь тон сафари. Салонные нравы проникли в глубину джунглей. Белый охотник, возглавляющий охотничий караван, теперь все больше походит на капитана большого пассажирского лайнера. Он должен не только обеспечить безопасность клиенту, но и сделать его путешествие приятным: развлечь, составлять ему компанию во время обеда, с безграничным терпением относиться к переменам настроения, разглагольствовать и прихотям... А вы представляете себе все разнообразие наших клиентов?

Конечно, большинство людей обладает характером приятным, а некоторые — даже превосходным. Но есть и другие. Есть тщеславные и неврастеники. Одни приезжают, чтобы убедиться в собственной храбрости, другие — залечить душевые раны. Есть нервные, есть щепетильные, есть маньяки, да мало ли... А тут еще жара, одиночество: все особенности характера обостряются. Я знал одного клиента, который почти помешался от бессонницы и раздражения, и все из-за того, что полоски на крыше палатки казались ему кривыми. А виновным он считал своего белого охотника. Вообразите себе жизнь двух людей в течение нескольких недель посреди африканских зарослей, под палящим солнцем. Один должен все учитывать, предвидеть, за все отвечать, другой считает себя в полном праве распоряжаться и требовать. Тут белому охотнику надо куда больше хладнокровия, чем при нападении разъяренного дикого зверя. Я сам это испытал и однажды чуть не убил человека

только потому, что слишком долго был с ним один на один в диких зарослях.

ХЛАДНОКРОВИЕ

Уолтер Кинг посмотрел на меня с таким выражением, будто ему самому не верилось в то, что он сказал.

— А ведь я по натуре очень спокойный, да и человек тот был моим лучшим другом. Но обстановка, одиночество, солнце... Словом, слушайте. Это случилось в Танганьике во время войны 1914 года. Меня с товарищем послали взорвать участок железной дороги. Место это находилось посреди глухой саванны, и до него была неделя ходу. Мы выполнили задание и возвращались обратно. Все шло как нельзя лучше, и вдруг мой товарищ стал меня раздражать. Мне казалось, что он слишком медленно идет, слишком много спит, много ест — а припасы у нас уже кончались. Мы почти не разговаривали, потому что во рту было сухо от жажды, да и опасно было — вокруг блуждало много вражеских чернокожих лазутчиков. Но даже те немногие слова, которые мы произносили, были наполнены ненавистью. Я его обвинял в лени, недобросовестности, он меня обзывал служакой ослепленным своей нашивкой: я, понимаете ли, был капралом... Короче говоря, однажды я приказал ему идти впереди меня по тропе и сказал, что всажу в него пулю, если он замедлит шаг. И, пусть мне простит господь бог, однажды я был близок к выполнению своей угрозы. Он почувствовал это и обернулся, направив на меня винтовку. Я увидел в его глазах столько ужаса и ненависти и... рассмеялся, стал хохотать, как ненормальный. Это передалось и ему. Мы оба смеялись, пока силы не оставили нас. Так все и уладилось. А если бы не этот приступ смеха...

Уолтер Кинг пожал плечами, и опять в его чистых голубых глазах промелькнуло недоверие к собственному рассказу.

— Да, — сказал он, — оставаться один на один с раздражительным и раздражающим клиентом — это тяжелейшее испытание для охотника. А, кроме клиентов, есть еще и клиентки...

У некоторых женщин, попавших в окружение дикой природы, появляется желание демонстрировать свои прелести. Им нравится разгуливать почти голы-

ми — а иногда и в самом деле голыми — среди чернокожих слуг каравана, приводя их в крайнее возбуждение. А во время одного сафари кинодеятелей белому охотнику понадобилось много энергии и такта, чтобы уговорить известную своей красотой актрису отказаться от ежедневных ванн, совершаемых на глазах у публики.

Бывают клиентки, которые настойчиво заигрывают с охотниками, несмотря на присутствие мужа. Правда, никаких происшествий не случается, потому что воспитание охотника, его профессиональный кодекс и очень строгие правила нашей фирмы предохраняют от этого. Но тем не менее атмосфера экспедиции отравляется, настроение испорчено. Мы все хорошо помним — это уже превратилось в предание — о драме, произошедшей в саванне в начале нашего века. Белый охотник повел в сафари богатого американца с женой. Вернулись обратно только охотник и женщина. Белый охотник рассказал, что американец, будучи пьяным, застрелился из револьвера. Однако чернокожие, участвовавшие в экспедиции, слишком много говорили об этом происшествии. Было решено провести расследование. Полицейские отправились по следам сафари, нашли могилу американца, вырыли тело. На затылке у покойника обнаружили рану от пули крупного калибра. Когда полицейские вернулись в Найроби, белый охотник и жена американца уже уехали из Кении. Исчезли бесследно.

В глазах Уолтера Кинга опять заиграли хитрые огоньки.

— Или вот, например, приехали как-то трое американцев. Один из них — известный спортсмен, другой — знаменитый журналист, третий, которого звали доктор Поп, — специалист по стрельбе из лука. Он-то и был самым главным, потому что вся эта компания решила охотиться на крупного зверя при помощи английских луков. Ружье крупного калибра, как они считали, не оставляет никаких шансов зверям, борьба получается слишком неравной. В качестве проводника — но только проводника — они взяли Лесли Симпсона, одного из самых знаменитых белых охотников, который занимался этим делом уже 40 лет.

Ну так вот, за все 40 лет охоты никогда Лесли Симпсону не приходилось добивать такого количества разъяренных львов, как за эти три недели, когда раненые, они кидались на лучников.

А что касается носорогов и слонов, так те даже и не замечали уковолов...

У белых охотников существует непреложное правило: зверя, раненного клиентом, охотник обязательно добывает. Даже если этот зверь сохранил силы, даже если он укрылся в самой непрходимой чаще и охотник чувствует, что зверь притаился и ждет момента, чтобы прыгнуть и растерзать человека. Вот где от охотника требуются его основные качества: хладнокровие, смелость, знание, интуиция. Причем в такой ситуации приходится иногда опасаться не столько ярости зверя, сколько гнева клиента. Однажды некий представитель знатного рода ранил на охоте буйвола, который укрылся в высокой траве. Когда белый охотник пошел разыскивать зверя, клиент пожелал отправиться вместе с ним. Охотник-профессионал отказал наотрез. Отправляясь на поиски раненого зверя, он не мог допустить, чтобы его связывало присутствие любителя. Он пошел один и убил буйвола. Знатная персона отнеслась к этому весьма холодно. «Вы решили, что я струшу», — заявил он, прервав сафари и, вернувшись в Найроби, подал протест в Службу охоты. Однако совещание директоров отклонило протест.

Вы понимаете теперь, как много качеств, причем самых разнообразных, требуется в наши дни, чтобы получить лицензию белого охотника.

— Лицензию?

ПРОФЕССИЯ, ОРГАНИЗОВАННАЯ И КОНТРОЛИРУЕМАЯ

— А как же, — сказал Уолтер Кинг, — теперь все, что касается этой профессии, четко организовано и постоянно контролируется. Чтобы возглавить сафари, необходимо иметь государственный диплом, выданный Службой охоты. Для этого нужны годы и годы... Вы начинаете с того, что охотитесь за свой счет и риск. Если вы метко стреляете, обладаете хладнокровием и общительны по натуре, если у вас есть чутье следопыта, вас нанимают в сафари в качестве второго стрелка. Белый охотник, ведущий экспедицию, присматривается к кандидату, оценивает его поведение. Если по возвращении он дает благоприятный отзыв, то парня принимают стажером. Он

Шум-приманка

Любителям-рыболовам, которые сидят с удочкой на берегу реки, и охотникам, бродящим по лесу, хорошо известно: хочешь вернуться домой не с пустыми руками — соблюдай тишину. Но, оказывается, бывает и наоборот. Островитяне в южной части Тихого океана приманивают дельфинов, стоя на мели по пояс в воде, причем слегка плещут по воде руками и тихонько напевают монотонную песню. Когда привлеченные этими звуками дельфины приближаются к людям, те перетаскивают их через мель и на руках выносят на берег.

На побережье Новой Гвинеи местные жители ловят акул с помощью трещотки из четырех раковин, связанных веревкой. Водолазы рассказывают: некоторые рыбы поднимаются со дна моря и с любопытством снуют вокруг орудующего молотом человека. А вот, например, треска в таких случаях всегда уплывает прочь.

получает право проводить охоту, но только не на опасного зверя. Участвует в нескольких сафари. Обучается искусству снаряжать караван, ухаживать за техникой, следить за состоянием персонала, нравиться самим придиличным клиентам и в то же время все глубже и глубже проникает в секреты саванны. Наконец, когда ему удается благополучно пройти через все испытания, он получает рекомендацию от трех или четырех белых охотников, наиболее заслуженных и опытных. Тогда Служба охоты выдает ему лицензию профессионала.

Старый Велли надолго замолчал, а когда снова заговорил, то голос его звучал более глухо.

— Тем более здесь необходимо признание, что сама профессия уже утратила прежний ореол. Нынешний белый охотник — это уже не скиталец по джунглям, не бродяга в духе Майн Рида, на которого когда-то поглядывали с почтением и вполголоса рассказывали об его подвигах. Теперь это гид, ведущий механизированную охоту.

Сами африканцы, у которых раньше был наследственный и вызванный жизненной необходимостью охотничий инстинкт, ныне работают на современных предприятиях. Это заставляет их забывать о прежних привычках. Те, что отправляются теперь в качестве прислуги в сафари, напоминают скорее боев из респектабельных домов.

Да и клиент совершенно изменился. Раньше в погоне за ред-

кими животными, например антилопами из бамбуковых зарослей или за болотными антилопами, он готов был неделю мокнуть под дождем, пробираясь сквозь джунгли или увязая в болотистых топях. Теперь у него нет ни вкуса, ни времени для такого занятия. Не существует больше и одиночества в глуши африканских дебрей: любая экспедиция имеет ежедневно два часа для связи с Найроби по радио. Современные люди, вечно спешащие, стремятся успеть больше за все более и более короткий промежуток времени.

Уолтер Кинг задумался, а затем сказал:

— Извините, теперь мне пора приняться за работу.

Мы распрошались.

От редакции. Жозеф Кессель в своем очерке «Сафари» приоткрыл занавесу над еще одной, пусть не самой крупной и важной, сферой деятельности современного неоколониализма. Охота на диких животных Африки стала организованным бизнесом, варварское унижение уникальной фауны континента — забавой богатых людей из разных стран капиталистического мира. Рассказ старого Уолтера Кинга, независимо от его личных намерений и симпатий, убедительно показывает, какой ущерб наносят природным богатствам африканских народов предприятия, подобные компании «Сафариленд».